

A.Yu. Militarev, L.Ye. Kogan

The authors claim that the Common Semitic verbal root *rkb whose well-known meaning is «to ride, to mount» may have had other meanings already on the early Semitic level. Among these, some important cultural notions are found, namely such agricultural operations as tree-pollinating and grafting. Further discussion focuses on the sexual connotations presumably underlying this peculiar meaning shift (the meaning «to copulate» for *rkb is also attested throughout Semitic). This association is discussed on both synchronic and diachronic levels and is illustrated by textual evidences from ancient Near Eastern languages, mostly Old Babylonian Akkadian and Judaic Aramaic. Obviously enough, postulating these very specific technological skills in such an early period is far from being trivial and makes us reconsider the traditional views on the cultural history of the Semites. The last part of the article discusses recent progress in dating Proto-Semitic.

© 2000 г.

Б.И. Перлов

КЛИНОПИСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. А.С. ПУШКИНА

Среди богатейших собраний живописи, графики прикладного искусства, нумизматики, восточных и античных древностей, хранящихся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, есть одна коллекция, которая как бы не подпадает под строгие каноны изобразительного искусства, хотя ее научная ценность огромна. Это небольшие глиняные таблички к клинописным текстам, на которых запечатлена почти трехтысячелетняя история древней Месопотамии. Таких клинописных памятников в коллекции ГМИИ чуть более 1700¹. Они представляют поразительное богатство письменных памятников древних народов и происходят из Шумера, Вавилонии, Ассирии, Ирана, Каппадокии, Египта. Основу собрания составляют 1319 табличек из коллекции блестящего знатока древней истории, академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). На протяжении многих лет он собирал коллекцию старинных рукописей, египетских папирусов, древнейших клинописных текстов на глиняных табличках. Причем ценности, собранные в его доме в Петербурге, были открыты для всех интересующихся древней историей.

По мнению «отца русской ассириологии» Михаила Васильевича Никольского (1848–1917), благодаря «исключительным научным запросам Н.П. Лихачева и исключительным удачам в подборе научного материала, его коллекция представляет исключительный интерес для науки»².

М.В. Никольский внес наиболее значительный вклад в изучение и публикацию коллекций Н.П. Лихачева. Итогом его многолетней и поистине подвижнической ра-

¹ Автор выражает глубокую признательность хранителю клинописной коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина Ю.А. Савельеву, любезно предоставившему материалы о коллекции.

² *Никольский М.В.* Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева // *Древности восточные. Труды Восточной комиссии императорского Московского археологического общества.* Т. III. Вып. II. СПб., 1908. С. 1.

боты стало двухтомное издание 855 клинописных текстов, кроме документов из Телло времени III династии Ура (2112–2003 гг. до н.э.)³. В один из томов⁴ были включены прекрасные автографы и переводы табличек, в дальнейшем составивших значительную часть клинописного собрания ГМИИ.

Публикация, выполненная на образцовом для того времени уровне, включает вступительные статьи (общие сведения, локализация, календарь и т.п.), экскурсии к разделам по конкретным отраслям хозяйства, транскрипцию и перевод текстов, автографы, отличающиеся совершенным каллиграфическим искусством, не превзойденным и в настоящее время. И в наши дни труд М.В. Никольского сохраняет научное значение, но допускаются, естественно, коррективы в интерпретации, чтении знаков и т.п.

Основная часть коллекции была приобретена Н.П. Лихачевым у европейских антикваров еще в конце прошлого века, причем ученый покупал у них однородные серии табличек из основных шумерских административных центров, намного опередив закупки крупных европейских музеев. Так, например, в его собрании оказалось большое количество клинописных документов из Телло времени III династии Ура, по всей видимости, происходящих из раскопок в этом шумерском городе французского археолога Э. де Сарзека в 1894 г. Основная часть этих табличек попала в Лувр и Оттоманский музей в Стамбуле. Сохранились документы личного архива Н.П. Лихачева, хранящегося в Петербурге⁵. В описи его коллекции⁶, в частности, сообщается, что клинописные тексты периода III династии Ура из Телло, были приобретены Н.П. Лихачевым в конце XIX в. в Париже у антикара Михрана Сиваджана. Часть коллекции, опубликованная М.В. Никольским⁷, был куплена Н.П. Лихачевым в начале нашего века у другого известного парижского антикара Элиаса Жежу, остальные таблички периода III династии Ура, происходящие в основном из Уммы и Пузриш-Дагана, не вошедшие в публикацию М.В. Никольского, были куплены в это же время у Жежу и лондонского антикара Наамана.

В 1917 г. в силу различных обстоятельств, скорее всего финансовых, Н.П. Лихачев решил продать часть коллекции. Он разделил собрание клинописных текстов на две части: одна, большая, по-прежнему оставалась в его петербургском доме (теперь эти таблички принадлежат Государственному Эрмитажу), другая, более 1300 клинописных табличек, была направлена в Москву и передана на хранение в Исторический музей. В дальнейшем оставшиеся в Петербурге коллекции Н.П. Лихачева легли в основу созданного им в 1925 г. Музея палеографии АН СССР, директором которого он был почти до конца жизни. После смерти ученого созданный им музей перестал существовать, и его экспонаты были переданы в Государственный Эрмитаж и Азиатский музей.

В 1918 г. в Москве был создан Музей-институт классического Востока (МИКВ), просуществовавший до 1924 г. Возглавил его известный востоковед Владимир Михайлович Викентьев. Музей был заинтересован в формировании своего фонда и обратился с просьбой к Н.П. Лихачеву о продаже коллекции, хранящейся в Историческом музее. В письме Н.П. Лихачеву от 9 декабря 1918 г.⁸ В.М. Викентьев просит выделить, в первую очередь из числа петроградских собраний, памятники различных эпох на сумму 30 000 рублей, а хранящиеся в Историческом музее клинописные таблички передать временно на хранение во вновь учрежденный Музей классического Востока. Скорее всего в это же время была достигнута договоренность о покупке МИКВом этих

³ *Он же.* Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н.П. Лихачева. Эпоха Династии Агаде и эпоха династии Ура // Там же. Т. V. Вып. II. СПб., 1908.

⁴ Там же.

⁵ Сведения о петербургских фондах документов Н.П. Лихачева были любезно предоставлены мне сотрудником Отдела Востока Гос. Эрмитажа Н.В. Козловой, я выражаю ей глубокую признательность.

⁶ Архив РАН. Ф. 246. Оп. 2. № 136.

⁷ *Никольский М.В.* Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи из собрания Н.П. Лихачева. Ч. II. Эпоха Династии Агаде и эпоха династии Ура // Древности восточные. Т. V. М., 1915.

⁸ Архив ГМИИ. Ф. 4.

табличек и их цене. Уже 17 апреля 1919 г. в своей расписке Н.П. Лихачев сообщает, что получил от В.М. Викентьева 35 000 рублей в окончательный расчет за проданную в Национальный музейный фонд коллекцию клинописных памятников⁹. Вскоре 1300 клинописных табличек были переданы в МИКВ. В июне этого же года МИКВ купил у Н.П. Лихачева еще 20 табличек. В записке В.К. Шилейко, которому В.М. Викентьев поручил получить таблички, сообщается, что он принял 6 табличек досаргоновской эпохи, 6 табличек II династии Ура (так тогда ошибочно называли III династию Ура), 1 табличку I Вавилонской династии и 7 табличек поздних эпох¹⁰. В 1924 г., после расформирования МИКВ коллекции поступили в Музей изящных искусств. Так клинописные таблички из собрания Н.П. Лихачева заняли достойное место среди других ценнейших коллекций ГМИИ.

Любая музейная коллекция, особенно содержащая письменные источники, обретает свою подлинную ценность, только когда становится предметом научного исследования и может пополнить и расширить наши знания об окружающем мире. Музей изящных искусств получил такую коллекцию, но, чтобы заинтересовать и обработать ее, был необходим ученый-ассириолог. Возглавлявший Музей в 1924 г. Н.И. Романов пригласил проф. Владимира Казимировича Шилейко (1891–1930). С приходом в Музей этого выдающегося ученого-ассириолога начался новый этап в изучении и обработке клинописной коллекции. Сделанные В.К. Шилейко переводы и транскрипции шумерских и вавилонских текстов были наиболее полными и убедительными для того времени. По умению интерпретировать тексты он на десятилетие опережал зарубежных коллег. Составленный им музейный инвентарь клинописных текстов не потерял своей ценности и по сей день.

Древнейшие клинописные тексты собрания ГМИИ представлены хозяйственными документами из Лагаша (Телло) времени правителей (энси) Энентарзи, Лугальанды, Урунимгины (Урукагины) (вторая половина XXIV в. до н.э.), подобные вошедшим в первый том фундаментального издания М.В. Никольского¹¹. Полная публикация двух табличек из коллекции В.С. Голенищева, содержащих записи обмера полей и учета скота, осуществлена В.К. Шилейко (ГМИИ 126¹² № 1445 и 1446)¹³. Кроме того, в коллекции ГМИИ хранятся при хозяйственных документах времени Лугальанды (№ 1444, 1447 и 1448) из голенищевского собрания. Еще три таблички времени Лугальанды и Урунимгины, принадлежавшие Н.П. Лихачеву и не вошедшие в I том М.В. Никольского, описаны В.К. Шилейко в «Инвентаре клинописи ГМИИ» (№ 521, 522, 525). Табличка № 1700, содержащая сведения о жертвоприношении энси Энентарзи у алтаря, поступила в Музей от В.К. Шилейко и была издана позже¹⁴.

Перечисленные документы привносят дополнительные штрихи в известную, казалось бы, картину фактического присвоения энси и их женами крупнейших хозяйств храмов божества Нгирсу и Баба в Лагаше.

Документы следующего, Аккадского периода (конец XXIV – первая половина XXII в. до н.э.) – времени возникновения деспотии и начала объединения Южного Двуречья Саргоном Древним (2316–2261 гг. до н.э.) и его преемниками – уступают рассмотренным в подробности, разработанности формуляра, четкости письма. Тем не менее они дают исследователям достаточные основания для выводов об особенностях развития замкнутых хозяйств отдельных городов и связей между ними, тенденций не только к политическому, но и экономическому объединению.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Никольский. Документы... III. Вып. II.

¹² Здесь и далее указаны инвентарные номера клинописной коллекции ГМИИ 126.

¹³ Шилейко В.К. Две досаргоновские таблички в Московском музее изящных искусств. М., 1916. С. 87–91.

¹⁴ Перлов Б.И. Культ статуй периода правления энси Лагаша Энлитарзи (XXIV в. до н.э.) // Тез. докл. научной сессии, посвящ. итогам работы ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1983 год. М., 1985.

Большая часть табличек ГМИИ этого времени происходит из Уммы и издана М.В. Никольским¹⁵, разделившим их на две группы. Графика и овальная форма № 1–68 в некоторой степени сближает их с архаическими документами эпохи Лугальанды и Уруинимгины, тогда как № 69–89, четырехугольные и более крупного письма, могут быть более поздними, предшествуя III династии Ура. Постоянное обращение исследователей к изданию М.В. Никольского свидетельствует о первостепенном значении материалов этого раздела клинописного собрания ГМИИ для изучения экономики Аккадского и следующего за ним периода. К ним относятся также лагашские таблички, описанные в «Инвентаре» В.К. Шилейко (нередко с полной транскрипцией и переводом), и таблички не установленного происхождения. Некоторые из лагашских текстов, по-видимому синхронные второй серии М.В. Никольского (или четвертой RTC¹⁶), отнесены В.К. Шилейко ко времени лагашской династии Ур-Баба (2136–2104 гг. до н.э.) или, при неустановленном происхождении, ко времени, предшествующему III династии Ура. Тем же временем датируются памятники другого характера: надписи на votивных предметах из Лагаша из собрания В.С. Голенищева. На одном обломке скульптуры (№ 1346) (энси Лагаша Гудеа?) выбито обращение к богине златок и писцового искусства Нисабе, на другом (№ 1342) сообщается об установке статуи в храме. Эти надписи были исследованы В.К. Шилейко¹⁷. Vотивные надписи иногда наносились на так называемые «гвозди». Эти глиняные конусы с шляпкой помещались в основание храма при его закладке. В коллекции ГМИИ представлено несколько таких посвященных «гвоздей» с именами правителей Лагаша Ур-Баба и Гудеа. Vотивные надписи на «гвоздях» из коллекции ГМИИ имеют хорошо известные аналогии¹⁸. Такие же экземпляры из коллекции Н.П. Лихачева, хранящиеся в Эрмитаже, изданы В.К. Шилейко в 1916 г.¹⁹

Рассматривая экспонаты Ассирийского зала ГМИИ, внимательный посетитель не упустит из виду табличку, одна из строк которой тщательно уничтожена (№ 1351). Какие же события нашли отражение в этом документе почти четырехтысячелетней давности? Табличка содержит пожелание «великого посланника» Ур-Аба «благой жизни» энси Лагаша Наммахани. Имя Наммахани полностью сбито, что, по мнению В.К. Шилейко, отражает борьбу за власть представителей двух ветвей потомков правителя Лагаша Ур-Баба. В разгоревшейся борьбе между Ур-Нин-Нгирсу и Наммахани, по всей вероятности, последний одержал победу, и Ур-Нин-Нгирсу был отстранен от власти. Лишь много лет спустя после победы Ур-Намму, первого царя III династии Ура, над Наммахани победитель вернул к власти в Лагаше престарелого Ур-Нин-Нгирсу. Именно актом мести Ур-Нин-Нгирсу, как полагал В.К. Шилейко, можно объяснить уничтожение имен Наммахани и его наследников.

При всей стройности этой реконструкции многое в последовательности правителей остается запутанным, оставляя место другим гипотезам. Так, крупнейший исследователь истории и культуры Передней Азии И.М. Дьяконов помещает некоторых энси (Ур-Мама, Лу-Гула, Лу-Баба)²⁰, тогда как, по В.К. Шилейко, они правили после Ур-Гара, непосредственно перед возвращением Ур-Нин-Нгирсу к власти. Позднее И.М. Дьяконов считал, что линия Гудеа была продолжена Ур-Нин-Нгирсу и его сыном Пиригме; Наммахани пришел к власти между 2113 и 2107 годами до н.э. вслед за Ур-Гаром²¹. Предположение В.К. Шилейко о реставрации Ур-Нин-

¹⁵ Никольский.. Документы... V. Вып. II.

¹⁶ Thureau-Dangin F. Recueil de tablettes chaldyennes. P., 1903.

¹⁷ Шилейко В.К. Ассириологические заметки // ЗВОРАО. 1921. XXV. С. 49.

¹⁸ Thureau-Dangin F. Sumerischen und akkadischen Königsinschriften // Vorderasiatische Bibliothek. Bd I. Abt. I. Lpz. 1906 (далее – SAKI) № 62 d; 142 r; 144 a.

¹⁹ Шилейко В.К. Vотивные надписи шумерийских правителей. Пг., 1916. С. 14.

²⁰ Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 241–242.

²¹ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. I. Месопотамия. М., 1983. С. 264.

Нгирсу основывается лишь на отождествлении Ф. Туро-Давженем наследника Гудеа с одноименным автором посвящения царю Ур-Намму²².

К этой же группе памятников имеет отношение табличка № 38, датированная В.К. Шилейко временем династии Ур-Баба. В ней дан перечень жертвоприношений, в котором наряду с богами названы имена нескольких покойных энси и их жен: Ур-Баба, Гудеа, Ур-Нин-Нгирсу, Пиригме, а также Наммахани и Нинхеду. Таким образом, состоялось примирение двух ветвей потомства Ур-Баба, но оно не было окончательным, поскольку Каку(г) и Ур-Гар, сын и внук Наммахани и Нинхеду, не названы²³.

Основная часть клинописной коллекции ГМИИ относится ко времени III династии Ура и насчитывает около 1250 документов административно-хозяйственной отчетности²⁴. 440 из них изданы во второй части «Документов хозяйственной отчетности» М.В. Никольского, в том числе 358 табличек происходят из Уммы, одного из крупных центров государства III династии Ура. Они опубликованы во втором разделе издания (первый составили таблички Аккадского периода и тексты, непосредственно предшествующие III династии Ура). Третий раздел включает 82 документа из Пузриш (Циллуш)-Дагана (совр. Дрехем) в окрестностях Нишпура – крупнейшего общешумерского религиозного центра. В Циллуш-Дагане функционировал пункт по приему скота, прибывающего из городов Шумера и подвластных территорий для обеспечения культа бога Энлиля. Организация этого специфического хозяйства рассмотрена М.В. Никольским во вступительном очерке²⁵. Не вошедшие в эту публикацию около 300 табличек из Уммы и более 400 табличек из Нгирсу и других центров (коллекция ГМИИ) подготавливаются для трехтомного издания ГМИИ им. А.С. Пушкина. Издание будет содержать транскрипции, переводы и автографы всех вошедших в него текстов, комментарии к разделам и подробные индексы.

В клинописном тексте № 621 из Лагаша (27-й год правления царя Шульги) с перечнем жертвоприношений засвидетельствован редко упоминаемый «Храм Травы Жизни» (É-Ú-pam-ti), находившийся в юго-западной части Нгирсу, возле храма Эанны²⁶. Вероятно, подобные храмы были и в других городах, во всяком случае одноименный храм назван в более позднем тексте царя Ларсы Варад-Сина (1834–1823 гг. до н.э.)²⁷.

Из общего однообразия документов хозяйственной отчетности выделяются некоторые виды документов. К ним можно отнести административные протоколы № 309 (Никольский II, № 447, Умма) и № 1097, скорее всего, из Нгирсу. Несколькими табличками представлена служебная переписка. Несомненный интерес представляет табличка № 142, содержащая распоряжение о выдаче ячменя, – она была включена в издание одного из крупнейших шумерологов, Э. Сольберже, как документ, местонахождение которого в настоящее время неизвестно и который издан по черновику Буасье (один знак воспроизведен неточно)²⁸.

В клинописной коллекции ГМИИ хранится единственная школьная табличка (№ 511) с четырьмя строками учебного текста, содержащего краткие сентенции о ценности знаний. Достаточно квалифицированный почерк, скорее всего, принадлежит руке учителя шумерской школы – здуббы, или старшего ученика²⁹.

Вотивно-коммеморативные надписи также немногочисленны. К ним можно отнести

²² SAKI. S. 147. № 1.

²³ Perlov B. The Families of the Ensi's Urbau and Gudea and their Funerary Cult // Death in Mesopotamia. (Mesopotamia 8). Copenhagen, 1980. P. 77–81.

²⁴ Документы начиная со второй половины правления Шульги (2086 г. до н.э.).

²⁵ Никольский. Документы... V. Вып. II. С. 14.

²⁶ Перлов Б.И. Храм «Травы жизни» периода III династии Ура // Тез. докл. отчетной конф. ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1981 год. М., 1982. С. 44–48.

²⁷ Шилейко В.К. Вотивные надписи шумерийских правителей. С. 20–21 (у g-pam-ti-la В.К. Шилейко переводит как «Храм сохранения жизни»).

²⁸ Sollberger E. Business and administrative Correspondence under the Kings of Ur. № 4. N.Y., 1996. № 175.

²⁹ Перлов Б.И. Шумерская школьная табличка из коллекции ГМИИ // Тез. докл. отчетной конф. ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1986 год. М., 1987. С. 6.

представленную в экспозиции Ассирийского зала булаву из темного камня (№ 1349) с плохо сохранившимся посвящением. По мнению В.К. Шилейко, оно адресовано царю Шульги, имя которого не сохранилось, но восстанавливается по остаткам титулатуры, характерной для первой половины его правления³⁰. Имя третьего царя III династии Ура, Амар-Зуэна (?) (2045–2037 гг. до н.э.), упоминается на четырёх строительных кирпичиках, применявшихся при закладке дворцов или храмов (№ 1781–1784).

После падения III династии Ура постепенно начинается возвышение Вавилона, завершающееся при правлении царя I Вавилонской династии Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.), когда Вавилон достигает наивысшего могущества.

Старовавилонская часть клинописной коллекции ГМИИ насчитывает более 80 табличек. В основном это частноправовые и административно-хозяйственные документы, 16 из которых вошли в сборник А.П. Рифтина³¹.

Собственно публикации 147 текстов с автографиями, транскрипцией, переводом, подробным комментарием предшествует введение с общими сведениями о сущности частноправового документа. В значительной части устанавливается происхождение табличек (Ларса, Сиппар, Дильбат, Казаллу).

Документы северовавилонского Сиппара имеют отношение к известному храму Шамаша Эбббар и освещают деловую активность его жриц-*надиту*, особенно склонных к операциям с землей (№ 1369 и 1418)³². К ним можно присоединить № 1510 и 1510а (табличка и конверт) купчую на землю, не учтенные А.П. Рифтиным. В этом документе впервые встречается имя бога Икунума, скорее всего личного божества одного из участников сделки. Культ этого божества бытовал в течение нескольких поколений, судя по сходным теофорным именам в некоторых сиппарских документах конца XIX–XVIII в. до н.э.³³ Из документов, не включенных в сборник А.П. Рифтина, можно назвать также табличку № 1315 из Ларсы с записью количества серебра в уплату за рыбу. Административно-хозяйственные записи № 1317 и № 1321, за исключением таблички № 200 (Рифтин, 1937, № 67), не вошедшие в публикацию Рифтина, однотипны с изданными.

Несколько писем времени I Вавилонской династии из собрания ГМИИ, в основном делового содержания, написаны достаточно свободно и пространно, что дает больше собственно языкового материала, причем повседневного уровня. Значительный интерес представляет плохо сохранившееся письмо самого Хаммурапи (№ 198). На лицевой стороне записано указание царя Син-Идиннаму разобраться с жалобой некоего Апилль-Амурру, который сетует на то, что у него якобы забрали небольшой участок земли. Царь повелевает: организовать судебный процесс, возместить захваченное и отчитаться в исполнении. Этот документ напоминает о судебной реформе Хаммурапи, по которой судопроизводство стало подчиненным царю.

Другие письма с именами, встречающимися в издании А. Унгнада³⁴, происходят из Дильбата, городка в окрестностях Вавилона. Три из них (№ 137–139) адресованы Адад-рапи, влиятельным администратором и землевладельцем, своему агенту Липит-Эа (время правления сына Хаммурапи Самсуилуны). На одном из них (№ 139) – оттиск печати Адад-рапи и дата, довольно редкие в письмах. Имя Липит-Эа имеется также в «протоколе» (№ 140) в связи с достаточно необычной ситуацией: он потерял свою личную печать. Два письма касаются в основном бытовых тем и проливают свет на повседневную жизнь и семейные отношения древних вавилонян (№ 135 и 136). В.К. Шилейко с некоторыми пропусками дает транскрипцию и перевод этих текстов³⁵.

³⁰ Шилейко. Ассириологические заметки. С. 58.

³¹ Рифтин А.П. Старовавилонские документы в собраниях СССР. М.–Л., 1937.

³² Там же. С. 9.

³³ Савельев Ю.А. Контракт времени первой вавилонской династии из собрания ГМИИ // Тез. докл. отчетной конф. ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1977 год. М., 1978. С. 10.

³⁴ Ungnad A. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi Dynastie. Lpz, 1914.

³⁵ Инвентарь клинописных текстов ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Среди старовавилонских табличек клинописной коллекции ГМИИ есть одна, путь которой в Музей необычен.

В один из летних дней 1984 г. в Отдел искусства древнего Востока позвонили из музейной закупочной комиссии и попросили посмотреть клинописную табличку, которую принесли две женщины. Клиннописные тексты попадают на экспертизу крайне редко (и чаще всего бывают фальшивыми), поэтому понятен тот интерес, который вызвало это сообщение у сотрудников Отдела древнего Востока. Первое, что пришло им в голову: табличка скорее всего опять фальшивая, но достаточно было одного взгляда, чтобы понять – это подлинный, хорошо сохранившийся деловой документ Старовавилонского периода, скорее всего времени правления Хаммурапи, представляющий значительную музейную ценность. Одна из женщин, владелица таблички, рассказала, что они приехали в Москву на экскурсию из Калининграда (бывшего Кёнигсберга) и решили обратиться в ГМИИ по рекомендации сотрудников одного из калининградских музеев, которые не смогли определить, что представляет собой этот маленький кусочек глины, исписанный какими-то черточками.

История находки клинописной таблички удивительна. Как выяснилось, на улице в груде строительного мусора женщина случайно увидела маленький кусочек глины правильной формы с какими-то значками, подобрала его из любопытства и принесла домой. Перед поездкой в Москву, вспомнив о находке, решила показать ее сотрудникам какого-нибудь столичного музея. Предложение Музея оставить табличку на закупку было принято, и вскоре она была приобретена (№ 1772). Как же попала старовавилонская табличка на берега Балтики? Насколько известно, в музеях довоенного Кёнигсберга не было клинописных коллекций, но в этом городе жил и преподавал в университете один из крупнейших немецких ассириологов проф. А. Унгнад. По некоторым сведениям, у него была коллекция клинописных текстов. Однако о ее судьбе ничего не известно. А. Унгнад погиб, пытаясь выбраться из осажденного города. Возможно, коллекцию он спрятал в покинутом доме, который затем был разрушен во время штурма Кёнигсберга или снесен в более позднее время. Если это действительно так, то старовавилонская табличка скорее всего когда-то входила в состав, вероятно, утраченной навсегда коллекции А. Унгнада.

Тексты иного характера, первой четверти II тыс. до н.э. в коллекции ГМИИ не многочисленны. К ним можно отнести надпись религиозно-мемориального содержания (№ 1577 из коллекции В.С. Голенищева), принадлежащую Варад-Сину царю Ларсы в Южном Двуречье при правителях аморейско-эламской династии, т.е. предшествующего собственно Старовавилонскому периоду.

Аморейское общество впитывало традиции культуры и государственности III тыс. до н.э., что выражалось в аккадизации, подражании титулатуре царей III династии Ура, использовании в религиозных и официальных надписях шумерского языка, вышедшего из повседневного употребления. Известно несколько экземпляров этой надписи, аккуратно вырезанной по-шумерски на плитках из темного камня³⁶. Две из них, из коллекции Н.П. Лихачева, изданы В.К. Шилейко³⁷. Надпись содержит обращение к Нин-Исине, богине – покровительнице Исина, города с более прочными шумерскими традициями (соперника Ларсы).

Особую группу в клинописной коллекции ГМИИ составляют религиозные тексты. К ним можно отнести несколько гепатоскопических текстов, т.е. записей предсказаний жрецов-гадателей по печени жертвенного животного. Считалось, что на основании опыта наблюдений внутренностей можно угадать определенные симптомы с реальными событиями и предсказать предстоящие по принципу *post quem ergo propterea quem*. Записи исторических событий в предзнаменованиях *omina*, как полагают, послужили одним из истоков сложения жанра исторической хроники. Две таблички предзнаменований (№ 1723 и 1724) были опубликованы в выдающейся работе

³⁶ SAKI. S. 214 d.

³⁷ Шилейко. Вотивные надписи шумерийских правителей. № 20–21.

В.К. Шилейко³⁸, устанавливающей сходство принципов вавилонской экстипсиции (гадание по внутренностям) с греко-римскими, описанными некоторыми античными авторами (Сенекой, Лукианом и др.).

В клинописной коллекции ГМИИ хранится единственный литературный шумерский текст (№ 1725). Он получил поистине мировую известность среди специалистов-ассириологов и филологов. С шумерскими и аккадскими литературными текстами успешно работал В.К. Шилейко, но не опубликовал их. После его смерти научный сотрудник Музея Вера Константиновна Шилейко передала табличку в ГМИИ, и она на долгие годы «растворилась» в коллекции, дожидаясь своего исследователя. Такой момент настал. В 1957 г. с клинописной коллекцией Музея работал выдающийся американский шумеролог проф. Пенсильванского университета С.-Н. Крамер, который сразу же обратил внимание на эту табличку, осознал ее огромную ценность – она содержала две погребальные песни, составленные от имени Лу-дингира, который оплакивает отца – Нанну и жену – Навиртум³⁹. Песни отмечены высокими литературными достоинствами и, кроме того, содержат интереснейшие сведения о том, как шумеры представляли себе загробную жизнь. Табличка, написанная около 1700 г. до н.э. в Ниппуре (само сочинение может относиться к более раннему времени), несомненно вышла из стен писцовой школы – э-дубы и является учебным текстом, на что указывает копия одной из строк в другой учебной ниппурской табличке.

Получив от Музея разрешение на публикацию таблички и ее фотографии, С.-Н. Крамер по возвращении в США издал этот литературный текст⁴⁰. Так был открыт новый, еще не известный исследователям, шумерский литературный жанр – погребальные песни, или «элегии», как условно назвал их С.-Н. Крамер, а безвестная доселе табличка стала одним из музейных шедевров.

К следующему, Касситскому периоду (начало XVI – конец XII в. до н.э.), принадлежат несколько хозяйственных записей, одна из которых (№ 1148) имеет точную дату – 1-й год правления Шагаракти – Шуриаша – 1242 г. до н.э.

Музейное собрание обладает памятниками письменности, найденными на периферии Месопотамии и за ее пределами. В 80-е годы прошлого века В.С. Голенищев приобрел в Турции (Кайсери, древняя Кесария) таблички с неизвестным вариантом клинописи. Сам он издал 24 из них в автографиях, с большой вступительной статьей, где на основании сопоставления с ассирийским и вавилонским написанием исследователь установил аккадоязычность текстов⁴¹. Фактически это была первая основательная публикация и исследование, поскольку ранее лишь две таблички были изданы А. Сэйсом. С накоплением материала, особенно после начала археологических раскопок, специалисты пришли к выводу, что эти тексты написаны на древнеассирийском диалекте, т.е. являются древнейшими памятниками на ассирийском языке. В.К. Шилейко в своей публикации нескольких голенищевских табличек из коллекции ГМИИ⁴², с полной обработкой этих документов, включая исследование морфологических, лексических и палеографических особенностей, дал достаточно убедительное подтверждение этому выводу. Пятнадцать табличек из голенищевской коллекции были переизданы в сборнике древнеассирийских документов Г. Эйссером и Ю. Леви⁴³. Полное их издание (100 табличек из ГМИИ, 21 – из Эрмитажа) осуществлено в 1960 г. Н.Б. Янковской⁴⁴ с учетом всех новейших данных, в том числе археологи-

³⁸ *Schileiko W.* Ein omentext Sargons von Akkad und sein Nackklang bei römischen Dichtern // *AfO.* 1929. Bd V. Ht 6. S. 214–218.

³⁹ Текст произведения написан по-шумерски с подстрочными аккадскими глоссами.

⁴⁰ *Крамер С.Н.* Две элегии на табличке Музея им. А.С. Пушкина. М., 1960.

⁴¹ *Gollenisheff W.* Vingt-quatre tablettes cappadociennes. St.-Pb., 1891.

⁴² *Шилейко В.К.* Документы из Гюль-Тепе // *Изв. Академии истории материальной культуры.* I. Пг., 1921. С. 356–364.

⁴³ *Eisser G., Lewy J.* Die altassyrische Rechtsurkunden vom Kültepe // *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft.* 1935. № 33, 35.

⁴⁴ *Янковская Н.Б.* Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. М., 1968.

ческих исследований на Кюль-тепе, открывших древний город Каниш. Исследованию предшествует обширная вступительная статья и комментарий, документы снабжены транскрипцией, переводом и превосходной автографией. Завершает издание подробный глоссарий. В другой своей работе Н.Б. Янковская исследует документы периферийного общества хурритского государства Аррапки в Северной Месопотамии⁴⁵. В нее включены 100 эрмитажных табличек и 10 из коллекции ГМИИ (из них 3 – из собрания В.С. Голенищева, 7 – по данным инвентаря – переданы В.К. Шилейко). Таблички написаны на аккадском языке с признаками влияния хурритского. Хурриты – народ, по видимому, кавказского происхождения, родственные урартам, – составляли треть всего населения Нузи. Данные юридических документов, датирующихся XIV в. до н.э., позволили выяснить некоторые черты общественного строя Аррапки. Публикуемые документы «по ценности содержащихся в них конкретных сведений не уступают ранее опубликованным зарубежным коллекциям»⁴⁶.

Сложную международную обстановку в Восточном Средиземноморье XV–XIV вв. до н.э. отражают найденные в Египте письма Амарнского архива, составленные клинописью на аккадском языке, применявшимся в международной дипломатической переписке, а также на хеттском и хурритском языках, причем аккадский язык писем правителей городов восточсредиземноморского побережья подвергался сильнейшему влиянию ханаанейского. Три письма (№ 1574–1576) из коллекции ГМИИ, приобретенные В.С. Голенищевым, адресованы фараону из Библа и государства Амурру, возникшего в предгорьях Сирии и Финикии в начале XIV в. до н.э. Большое послание Риб-Адди, правителя Библа, города, находившегося в орбите египетского влияния еще с III тыс. до н.э. (№ 1574), по содержанию мало отличается от других его многочисленных писем: это в основном жалобы на враждебность соседних правителей и обычные просьбы о военной помощи. Ему же принадлежит фрагмент письма № 1575. Сохранившаяся часть письма Азири (№ 1576), правителя Амурру, не слишком богата информацией, поскольку, в соответствии с принятым этикетом, изобилует самоуничижительными заверениями в преданности и традиционными приветствиями. Амарнские письма голенищевского собрания неоднократно входили в публикации с 90-х годов прошлого столетия⁴⁷.

О распространении клинописи свидетельствуют, наряду с хурритскими и хеттскими, и эламские надписи. В Эламе, древнейшем государстве к востоку от Двуречья (совр. Хузистан) с населением, как предполагается, родственным дравидоязычному населению Индии, первоначальная иероглифическая письменность еще в конце III тыс. до н.э. под шумеро-аккадским влиянием уступает место клинописи. Несколько фрагментов ее на кирпичах II тыс. до н.э., происходящих из древнейшего эламского города Сузы, поступили в ГМИИ также из коллекции В.С. Голенищева.

Следующий раздел клинописного собрания Музея, содержащий таблички Новоассирийского периода, представлен в основном немногочисленными фрагментами царских надписей и летописей IX – первой половины VII в. до н.э. (почти все приобретены В.С. Голенищевым), из них заслуживают упоминания следующие.

1. Обломки «стандартного» текста Ашшурнацирапала (883–859 гг. до н.э.) с титулатурой, краткой родословной, описанием походов, главным образом в Северную Месопотамию и Сирию, и сообщением о строительстве дворца в новой столице Калху (Нимруд)⁴⁸. Самый крупный из них – фрагмент алебастровой плиты (№ 1676).

2. Массивные кирпичи необожженной глины из зиккурата в Калху с краткой надписью Салманасара III (859–825 гг. до н.э.) (№ 1675, 1785).

⁴⁵ Она же. Юридические документы из Аррапки в собраниях СССР // Переднеазиатский сборник. М., 1961. С. 424–580.

⁴⁶ Там же. С. 450.

⁴⁷ Winckler H., Abel L. Der Tontafelfind von El-Amarna. B., 1889–1890 (№ 34, 67, 71); Winckler H. Die Tontafeln von El-Amarna. B., 1896 (№ 48, 71, 112); Knudtzon E. Die El-Amarna Tafeln. Bd I–II. Lpz, 1908, 1915 (№ 70, 137, 160).

⁴⁸ Budge E.A.W., King L.W. Annals of the Kings of Assyria. I. L., 1902. P. 212.

3. Надпись Ашшурбанипала (668–626 гг. до н.э.) на известняковой плите из Ниневии с обращением к богу Набу по случаю расширения храма Эзида⁴⁹ (№ 1677).

4. Царские летописи: фрагмент «бочонка» Синаххериба (705–681 гг. до н.э.) с началом текста [вступление, первый поход на Вавилон и Элам (№ 837)] типа так называемых цилиндров Беллино и Рассама; фрагмент «призмы» с летописью того же царя, более позднего текста с описанием строительства в Ниневии, расширения и обновления дворца⁵⁰ (№ 1502); обломок двух граней «призмы» Асархаддона (681–668 гг. до н.э.) о походе в «страну моря» в начале правления⁵¹ (№ 1505).

5. Фрагмент двуязычного заклинания злого духа с чередующимися строками шумерского и аккадского текста. На обороте, возможно, содержатся обрывки замечания писца о копировании с древнего оригинала (?) и даты (№ 1666).

Из Урарту – государства, занимавшего в IX–VI вв. до н.э. часть Армянского нагорья и Закавказья и в периоды усиления соперничавшего с Ассирией, – происходит надпись на каменной плите (№ 1679) с именем царя Аргишти (VIII в. до н.э.). Плита поступила в Музей от А.В. Живаго.

В собрании клинописи Музея Нововавилонский и Персидский периоды истории Вавилонии (конец VII–IV вв. до н.э.) представлены более чем 30-ю табличками⁵². В большинстве своем, насколько возможно разобраться ввиду плохой сохранности, они являются юридическими документами частного характера, что естественно для общества, достигшего довольно высокого уровня товарно-денежных отношений и частной собственности. Среди них контракты о купле-продаже, в том числе рабов и участков земли (№ 1504, 1513, 1575, 1659), документ о приданом для некоей Белитум (№ 1507); об усыновлении (раба?) (№ 1498); поручительство за должников (№ 1756). Больше всего заемных записей, из которых можно отметить договор о совместном предприятии со ссудой, полученной одним участником от другого (№ 1508). Обязательство возврата кирпичей, взятых в храме Эанна (№ 1329), вероятно, можно отнести уже к разряду административно-хозяйственных записей. Среди них следует отметить расписания приношений в храмы зерном и мелким скотом (№ 1703, 1726).

Особый интерес в этом разделе представляет единственное в коллекции ГМИИ письмо нововавилонского времени (№ 1514), превосходной сохранности, относительно 10 сиклей серебра, которые надлежит немедленно передать агенту адресата, составив долговой документ в присутствии свидетелей. Имена отправителя – раба Даян-Белуцура и адресата Иддин-Мардука, его господина – хорошо известны из документов и деловой переписки третьей четверти VI в. до н.э.

Царские надписи представлены оттисками на кирпичях хорошо известного текста Навуходносора II (606–562 гг. до н.э.) в нескольких вариантах, один из которых (№ 1771) сохранился целиком: «Набукудурриуцур – царь Вавилона, "попечитель" (храма) Эзиды, первородный сын Набуаплууцура царя Вавилона». В коллекции имеется также небольшой фрагмент (№ 1788) надписи того же царя (такие надписи немногочисленны, они написаны на более длинных кирпичях, от руки, а не отштампованы), так называемой «Lebanon-Inschrift», о доставке кедра для дворцовой кровли, с обращением к богу Мардуку о даровании благополучия, долгих лет жизни и царствования над «черноголовыми» (традиционное название жителей Вавилонии) ему самому и его потомкам⁵³.

Две надписи религиозного содержания не имеют достаточно точной атрибуции.

⁴⁹ Streck M. *Asurbanipal und die letzte Assyrische Könige // Vorderasiatische Bibliothek*. VI. Lpz, 1916. Судя по упоминанию похода в Элам, датируется 40-ми годами VII в. до н.э.

⁵⁰ Ср. с BM, № 103000 (*Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum* 26) – 694 г. до н.э.; чикагская «призма» – Luckenbill D.D. *Annals of Sennacherib*. Chicago, 1924. Col. V, 52 ff.

⁵¹ Winckler H. *Altorientalische Forschungen I Reihe*. Bd VI. Lpz, 1897. S. 522.

⁵² Самая ранняя табличка датируется 632 годом до н.э.; не ясно, к какому из трех Артаксерсов относится самая поздняя табличка: к V или IV в. до н.э.?

⁵³ Koldewey R. *Der Wiederaufbau von Babylon*. B., 1990. Abb 55 («die sechzeilige Lebanon-Inschrift von den Sudburg»); Walker C.B. *Cuneiform Brick Inscription in the British Museum*. L., 1981. № 99.

Первая, нанесенная вдоль полого конуса (№ 1336), сулит блага тому, кто, обнаружив погребение, не нарушит его, а приведет в порядок. В содержании примечательна общая положительная направленность – не угроза наказания за разрушение и небрежение, а воздаяние за совершенное добро. При недостатке археологических свидетельств вряд ли можно абсолютно полагаться на эпиграфические особенности, поскольку старовавилонское начертание знаков не исключает их намеренной архаизации, как в официальных надписях Навуходоносора II⁵⁴. Плитка желтого камня (№ 261) с рельефным изображением злого демона (женского пола) Ламашту и ее заклинанием на обороте принадлежит известному типу амулетов, распространенному в Вавилонии и Ассирии в I в. до н.э.⁵⁵ Здесь мы не располагаем надежными основаниями для уточнения датировки и происхождения. Стандартная надпись на амулете является лишь началом большого текста на глиняных табличках⁵⁶.

В эллинистическое время аккадский язык вытесняется арамейским, с алфавитной письменностью, он распространяется в Месопотамии еще до середины I тыс. до н.э., но в юридической и религиозной практике клинопись сохранялась до I в. н.э. для записи не только аккадских, но и шумерских текстов. С прибытием греческого населения после походов Александра Македонского и основанием полисов в Вавилонии в употребление входит и греческий язык.

Вероятно, периодом эллинизма следует датировать табличку (в двух фрагментах № 1692 и 1693), написанную по-аккадски греческим полукурсивом. Надписи такого типа известны, хотя в целом этот способ записи не получил широкого распространения.

Текст таблички ГМИИ, изданной В.К. Шилейко⁵⁷, содержит обращение к божеству с просьбой дарования благ четверем, поименно названным людям: долгих дней благополучной жизни, мудрости, продолжительного потомства и (NB!) писцового мастерства.

Как было отмечено, клинописная коллекция ГМИИ пополняется крайне редко, и, казалось бы, ее основной состав, над научной обработкой которого трудились выдающиеся специалисты-ассириологи М.В. Никольский и В.К. Шилейко, уже во многом изучен. Тем не менее коллекция хранит еще большие потенциальные возможности для исследования и среди них в первую очередь следует отметить таблички в конвертах. Табличка помещалась в прямоугольный глиняный конверт, на поверхность которого наносилось краткое содержание таблички. Часто надпись заверялась оттиском цилиндрической печати. Таким образом сохранялся сам документ и заверялась его подлинность. При получении документа адресатом конверт разбивался. В клинописной коллекции ГМИИ хранится целая серия нераспечатанных конвертов. Понятно, насколько интересно получить полный текст на табличке и сравнить его с краткой записью на конверте. Распиливание конвертов требует высокой квалификации реставратора, обучения его специальным приемам. За рубежом технология вскрытия глиняных конвертов практикуется достаточно успешно.

Иногда новые поступления ставят перед хранителями музейных коллекций трудноразрешимые задачи. В середине 1970-х годов закупочной комиссией Музея была приобретена табличка (№ 1772) с текстом хозяйственного содержания времени III династии Ура. Позднее при работе над каталогом клинописных текстов из коллекции ГМИИ выяснилось, что конверт от этой таблички с почти аналогичным, немного

⁵⁴ Delitzsch F. Die Schriftdenkmäler aus babylonischen Sargen // Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft. 1901–1902. № 11. S. 15 (Vorderasiatische Schriftdenkmäler. I. № 54); *idem*. Babel und Babel. 1913. S. 10. Abb. 40 (автор отмечает старовавилонский характер знаков).

⁵⁵ Frank K. Babylonische Beschwörungsreliefs. Lpz, 1908; *idem*. Lamastu, Pazuzu und Dänionen // Mitteilungen der Altorientalische Gesellschaft. XIV. Ht 2. Lpz, 1941 (с перечнем известных экземпляров); Thureau-Dangin F. Amulettes rituelles contre Labartu // Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale. 1921. 18. P. 161.

⁵⁶ Ebeling F. Die Sammlungen von Beschwörungsformeln // Der Alte Orient. 1953. XXI. S. 357; Myhrman D.W. Die Labartu-Texte. Strassburg, 1902.

⁵⁷ Schileiko W. Ein Babylonischer Weihetext Griechischer Schrift // Archiv für Orientforschung, Bd 5. Ht 1. B., 1928.

сокращенным текстом, с печатью должностного лица давно хранится в ГМИИ (№ 1702). Произошел поистине редчайший случай – вновь объединились конверт и его казалось бы, навсегда утраченная табличка. Остается только гадать, когда и как разошлись их пути. Тем не менее можно предположить следующее. Известно, что отдельные таблички из своей коллекции Н.П. Лихачев подарил М.В. Никольскому, а также В.К. Шилейко, и в конце 1930-х годов конверт № 1702 поступил в Музей от его вдовы, Веры Константиновны Шилейко. Возможно, и табличка № 1772 была подарена кому-то Н.П. Лихачевым, а затем уже попала к ее последнему владельцу, В.К. Лукницкой.

Коллекция ГМИИ им. А.С. Пушкина по численности уступает собраниям клинописных текстов Британского музея, Переднеазиатского музея в Берлине, парижского Лувра, Эрмитажа. Тем не менее она содержит памятники, представляющие почти все периоды существования клинописи начиная с XXIV вв. до н.э. и происходящие из разных регионов Передней Азии. Эта качественная полнота является результатом не случайного стечения обстоятельств, а планомерного собирания коллекций такими выдающимися специалистами, как Н.П. Лихачев и В.С. Голенищев.

THE CUNEIFORM COLLECTION OF THE PUSHKIN FINE ARTS MUSEUM

B.I. Perlov

The State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin possesses more than 1700 cuneiform texts coming from Sumer, Babylonia, Assyria, Iran, Cappadocia, Elam and Egypt.

1319 tablets from the collection of N.P. Likhachev (1862–1930) constitute the basis of the Museum collection. In 1918 a part of Likhachev's collection was bought by the Museum-Institute of Classical East; in 1924, after this Museum was reformed, the collection moved to the Fine Arts Museum. V.K. Shileiko (1891–1930), an outstanding assyriologist, contributed to the study and systematization of the collection.

A big part of the Fine Arts Museum cuneiform collection consists of administrative and economic reports from the periods of the 3rd Dynasty of Ur (2112?–2003). These documents come from Lagash (Tello), Umma (Joha) and Puzrish-Dagan. Most texts of this period (except those from Tello) were edited by the «father of Russian assyriology» M.V. Nikolsky.

The oldest tablets of the collection are economic documents from Lagash (Tello) of the 2nd half of the 24th c. BC, the latest Persian texts are dated back to the Hellenistic period (4th c. BC).

Some important Sumerian texts of the Ensi period (22nd c. BC) were excellently edited by V.K. Shileiko.

The Old Babylonian part of the collection includes more than 80 tablets. These are, for the greatest part, documents of civil law and economic administration. Some of them were edited by A.P. Riftin. Of particular interest among them is Hammurapi's letter.

Religious texts, mainly divinatory records, constitute a special group of the collection.

Only one tablet with Sumerian literary text is to be found in the collection, a tablet with two funeral songs. This literary monument became world-known after the publication by an outstanding American sumerologist S.-N. Kramer who discovered the genre of funeral song («elegy») unknown before in Sumerian literature.

The texts of New Assyrian period are represented by a few fragments of kings' inscription of the 9th – the first half of the 7th c. BC. 30 fragments from the New Babylonian and Persian periods of Babylonian history (7–4th c. BC) are mostly private legal documents. Kings' inscriptions are represented by texts of Nebuchadnezzar I (606–562 BC) stamped upon bricks.

The collection includes some cuneiform texts found in Mesopotamia's periphery and beyond its limits. A significant part of the Old Assyrian texts from Kul-Tepe was published by N.B. Yankovskaya.

There are also three documents from the Amarn Archive, reflecting the complicated situation in Eastern Mediterranean in 15th–14th c. BC. The fragments of Elamite texts of the IIInd mill. BC from Susa testify to the fact that cuneiform characters were used beyond the limits of Mesopotamia.

The texts of Urartu are not numerous in the collection, these are 7th c. BC brick and tile inscriptions (kings' names).

The cuneiform collection of the Museum possesses cuneiform monuments representing almost all the periods and coming from different areas of Near Asia. Such completeness results from considered and thoughtful collecting by N.P. Likhachev and V.S. Golenishchev.